

УДК 1: 321. 01: 316. 42: 165. 1

АНАЛИЗ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ИММАНЕНТНОЙ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНОГО ТЕОРЕТИЗИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИТИКИ ВЛАСТИ М. ФУКО)

С.В. Козлов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются некоторые важные аспекты постклассической ситуации в осмыслении власти, как феномена социального бытия. Показано различие трансцендентной и имманентной стратегий социального теоретизирования применительно к осмыслению власти. Имманентная стратегия раскрыта на примере аналитики власти М. Фуко. Представлены основные положения подхода Фуко к анализу власти, продемонстрирована его актуальность для современного социально-философского мышления и социального теоретизирования.

***Ключевые слова:** власть, трансцендентная и имманентная стратегии теоретизирования, философская рефлексия, аналитика власти М. Фуко, диспозитивы власти, имманентность и бессубъектность власти, политическая технология жизни; дисциплинарная власть.*

В рамках современного (постклассического) социально-философского мышления особую значимость приобретают специфические социально-конструктивистские установки и подходы. Они подразумевают рассмотрение социальной реальности как перманентно конституируемой в многообразии интеракций и коммуникативных связей, а также осмысление самой объективирующей активности познающего разума – активности, полагающей нечто в качестве налично данного, – в аспекте ее социокультурной конституируемости и обусловленности. Такая теоретико-методологическая перспектива делает важным соотношение того, что может быть обозначено как трансцендентная и имманентная стратегии в осмыслении власти как феномена социального бытия¹.

Первый подход связан с эпистемологической установкой, предполагающей в духе принципов классической рациональности ситуацию «сущностной чистоты» разума и его полной внеположенности изучаемому объекту, в качестве которого, в данном случае, берутся отношения власти. Таковые из этой мыслительной позиции представляются как нечто данное «извне», но при этом зачастую неотрефлексированными (или недостаточно отрефлексированными) оказываются властные эффекты самой объективирующей позиции разума, наделяемой здесь особым привилегированным статусом. Как отмечает А.Т. Бикбов, «трансцендентное теоретизирование, монополизовав полюс знания, в реальности не трансцендирует из области отношений власти, но просто умалчивает о своей вовлеченности в таковую. Именно этот произвольный разрыв знания и власти в трансцендентальной социальной теории задает порог ее рефлексивности» (1, с. 17).

¹ Данные понятия применительно к позициям социального теоретизирования и способам описания власти были предложены А.Т. Бикбовым [см.: 1].

Второй (имманентный) способ теоретизирования определяется специфическим сдвигом, связанным с изменением угла зрения, задающего способ обнаружения властного измерения многообразных социально-антропологических реалий. Объективирующая активность разума и, особенно, само допущение об отстраненности познающего разума от отношений и интенций власти становятся при этом предметом массивированной рефлексии. Подобная направленность теоретизирующей мысли оказывается сопряженной с постановкой и анализом вопросов о многомерности и «вездесущности» проявлений власти в пространстве социального; о соотнесенности отношений власти с процессами структурирования/ деструктурирования/ реструктурирования социальной реальности на разных ее уровнях, о взаимопроникновении многообразных мыслительных, познавательных и властных практик и др. Многие традиционные темы, связанные с осмыслением власти (например, тема репрессивных проявлений власти), в таком случае, разумеется, не уходят полностью из поля рассмотрения. Но определяющим фактором становится именно выше обозначенное смещение «угла зрения». В конечном итоге имманентная стратегия социального теоретизирования предстает как мышление «о социальном и из социального», стремящееся (в числе прочего) отрефлексировать всякий дискурс о человеке и социуме (и, особенно, социально-теоретический, научный тип дискурса) в аспекте его локализуемости и конституируемости в пространстве отношений, имеющих специфические властные проекции и эффекты. Власть и знание выявляются в таком случае, как «взаимозависимые и сопричастные друг другу в конкретных социальных практиках» (1, с. 17), а сам субъект объективирующего дискурса (в том числе, научного) предстает в роли инстанции, на которую «нужно обратить... те же вопросы, которые ставятся по отношению к его объекту» [2, с. 5].

Весьма важным в данной связи оказывается подход к рассмотрению власти, развитый крупнейшим представителем французского структурализма и постструктурализма М. Фуко в его исследованиях 1970-х – 1980-х гг. Осмысление властных отношений осуществляется здесь в тесной связи с рефлексией над формами и механизмами общественной рациональности в новоевропейском обществе, функционирующими в качестве специфических властных реалий, продуцирующих и упорядочивающих отношения и практики людей. Философ при этом предпочитает говорить не о некоем изначально едином, центрированном в себе процессе рационализации, а о множественности рационализирующих процессов и форм, реализующихся в различных сферах человеческой жизнедеятельности, а также об имманентности этим сферам многообразных проявлений власти. В центре его внимания оказываются прединституциональные формы и основания власти, связанные с множественностью отношений сил в пространстве социального, с процессами конституирования и воспроизводства социальной реальности как таковой (тема «микрофизики власти»).

Важно отметить, что свой подход Фуко позиционирует как «аналитика власти», противопоставляя его традиционным теориям власти. В чем заключается смысл этого противопоставления? Как полагает философ, привычная теория стремится выявлять генезис власти, дедуцировать некое понятие о ней, отправляясь от идеи, что «где-то в определенном месте, или эмануруя из какой-то определенной точки, существует нечто, что и есть власть» (цит. по: [5,

с. 365]). Такую стратегию он считает ошибочной, не учитывающей значительное число важных социальных феноменов. Задачу собственного подхода Фуко видит не в теоретической реконструкции власти, мыслимой в качестве некоей самоотжественной сущности, а «в продвижении... к установлению специфической области, которую образуют *отношения власти* [выделено мной. – С.К.], и к определению инструментов, которые позволяют ее анализировать» [6, с. 181]. Принципиальная роль здесь отводится выстраиванию особой понятийной решетки анализа власти как некоей множественности отношений и взаимодействий силы.

В наиболее концентрированном и концептуальном виде представления философа о власти представлены в работе «Воля к знанию» (составляющей первый том «Истории сексуальности»). Для осмысления властных отношений автор конструирует специфический концепт «диспозитивы власти». Имея весьма сложный и многоплановый характер, этот концепт отсылает нас к представлению о некоей «обширной поверхностной сети», где различные социально-значимые феномены (например, дискурсивные формы, определенные практики, институции, ландшафты и элементы окружающего пространства, регламентирующие решения, научные утверждения, философские положения и многое другое) взаимодействуют и сцепляются друг с другом на основе некоторых стратегий власти и знания (см.: [6, с. 208, 238; 5, с. 367–368]). Очевидно, что здесь описывается процесс (и механизм) конфигурирования весьма гетерономных элементов (как дискурсивных, так и недискурсивных) в определенные социо-антропологические ансамбли, причем такие ансамбли, в пределах которых эти элементы весьма динамическим образом соотносятся, взаимодействуют друг с другом. Акцент при этом делается на идее о том, что сети, образуемые между компонентами таких ансамблей, не есть нечто детерминированное самой «природой вещей» (точнее компонентов): эти подвижные сети представляются связанными с формирующим воздействием власти и знания в их культурно-исторической взаимообусловленности.

Исходя из сказанного, следует, что понятие диспозитива/ диспозитивов соотносится в рассматриваемой концепции с особыми стратегическими механизмами, кристаллизующимися в пространстве совместной жизнедеятельности людей и задающими определенные способы ее организации. Причем функцией таких механизмов полагается не только выделять и координировать некое множество релевантных по определенным основаниям феноменов, но и вызывать, провоцировать, конституировать их (см.: [6, с. 173]). В конечном итоге, диспозитивы представляются автором «Воли к знанию» системой стратегических ориентиров целеполагания, выступающих матрицей конфигурирования культивируемых в определенном сообществе практик (так он говорит о диспозитивах запрещающего закона, дисциплинарной власти, брака, сексуальности и др.). Суть диспозитивов видится в том, что они фиксируют в своих императивных структурах некие сложившиеся очертания и механизмы осуществления власти, и, одновременно, сами становятся той «кристаллической решеткой», вокруг которой эти механизмы выстраиваются (см. напр.: [6, с. 174–175, 208–210]). В частности, в центре внимания Фуко находится «диспозитив сексуальности», рассматриваемый в качестве особого исторического образования, которое, как полагает философ, кристаллизуется, отталкиваясь от христианского «опыта и технологии плоти», и постепенно генерализируется в

эпоху модерна [6, с. 175–238; 7, с. 271–283]. При этом согласно Фуко, разворачивание данного диспозитива оказывается включенным в более широкий контекст утверждения в новоевропейскую эпоху специфической «политической технологии жизни», связанной с развитием специализированных дискурсов и практик (демографических, статистических, медицинских, психиатрических, психологических, педагогических, и др.), нацеленных, в конечном итоге, на выработку и реализацию механизмов оптимизации функционирования общественного целого, обеспечения его расширенного воспроизводства.

По мысли французского философа, всякий диспозитив образован некоторым набором стратегий власти и знания и реализуется через соответствующие дискурсы и практики. Стратегии выступают при этом как бессубъектные в своей основе (нет субъекта, который бы их задумал). Впрочем, согласно мыслителю, принцип «власти и стратегии без субъекта» не исключает интенциональности и рациональности различных форм и проявлений власти. Как он утверждает, «рациональность власти есть рациональность тактик <...> которые, сцепляясь друг с другом, призывая и распространяя друг друга <...> очерчивают в конце концов диспозитивы целого» [6, с. 195]. В таком случае и субъект, и его субъективность должны быть выявлены как конституирующиеся в поле действия определенных диспозитивов, которые в основе своей есть стратегии отношений власти, поддерживающих различные формы знания и поддерживаемых ими.

Во многом определяющим для развиваемого Фуко подхода является стремление мыслить исходное измерение власти по ту сторону субъекта и объекта, властвующих и подвластных (и тем самым преодолеть ограниченность традиционных подходов к ее пониманию). Прежде всего, философ отстраняется от рассмотрения власти исключительно в понятиях суверенитета и закона, подавления и санкций. Выражаемый в них способ представлять власть он квалифицирует в качестве «юридически-дискурсивного» [6, с. 181, 185], связывая его становление с возникновением западноевропейской «юридической монархии» и с вызванными ею политико-правовыми теориями [6, с. 186–189]. Согласно Фуко, мыслительная модель, привязанная к классическому политико-юридическому дискурсу с его образами «власти-суверенитета», «власти-закона», оказывается неспособной адекватно описать многообразие форм и техник власти в социальном пространстве (особенно в связи с развитием новых, современных механизмов власти, центрированных, как полагает философ, на особых дисциплинарных техниках, инкорпорируемых, в том числе, и в форму «юридической монархии») [6, с. 189–191, 250–251].

Исходя из этого, мыслитель разворачивает теоретико-методологическую стратегию, предполагающую рассмотрение власти в поле отношений силы на основе принципов имманентизма и реляционизма (согласно его утверждению, необходимо «дешифровать механизмы власти, исходя из стратегии, имманентной отношениям силы» [6, с. 198]). Следует отметить, что «сила» и ее отношения понимаются в таком случае не в смысле чего-то сугубо репрессивного, а как то, что изначально несет в себе производящий потенциал. Согласно Фуко, власть есть, прежде всего, «множественность отношений силы, которые имманентны области, где они осуществляются, и которые конститутивны для ее организации» [6, с. 192]. Эти отношения, как он полагает, не являются чем-то внешним для многообразных видов социальных взаимодей-

ствий: они постоянно производятся во всех точках социального пространства. Соответственно, всякая устойчивая институциональная структура представляется «только совокупным эффектом», вырисовывающимся из многообразия силовых флуктуаций. Как уточняет философ, такой «совокупный эффект» есть сцепление различных взаимодействий, отношений, причем такое их сцепление, которое опирается на каждое из них и, в свою очередь, пытается их фиксировать [6, с. 193]. Следует отметить, что в рамках данных представлений, речь, разумеется, не идет о некоей изначальной телеологичности осмысляемых процессов, их исходной запрограммированности на становление именно налично-данной властной конфигурации (хотя определенная «ставшая», институализированная конфигурация власти обнаруживает в себе телеологические структуры, являющиеся «совокупным эффектом» многообразных флуктуаций). В логике развиваемого Фуко подхода власть в многообразии своих форм и проявлений имеет условием своей возможности «подвижную платформу отношений силы, которые индуцируют постоянно, благодаря их неравенству, *властные состояния, всегда, однако, локальные и нестабильные* [курсив мой. – С.К.]» [6, с. 193]. Такие отношения (вполне в ницшианском духе) рассматриваются французским мыслителем как по самой своей природе несущие заряд спонтанности и неразрывно связанные с перманентно разворачивающимися процессами конфигурирования/переконфигурирования социокультурного пространства и действующих в нем сил.

Фиксируя исходное измерение власти по ту сторону отношений субъекта и объекта, властвующих и подвластных, Фуко развенчивает представление о ней как о некоторой сущности, которую производят (или которой владеют по аналогии с собственностью) определенные субъекты или инстанции. Власть, выявляемая в качестве множественности силовых взаимодействий, взаимодетерминаций, оказывается изначально бессубъектной (природа власти, мыслимой в фукианской парадигме, – в множественности отношений силы, изначально присутствующих в многообразных областях и конститутивных для их организации). Согласно рассматриваемому подходу, базовым (и привилегированным) местом проявления силовых отношений оказывается не воля, а витальный субстрат, на котором власть рисует свои фигуры, конституируя, в конечном итоге, и индивида, как субъекта. Философ в «Двух лекциях» отмечает: «На самом деле, это всегда один из первых эффектов власти, когда определенные тела, жесты, дискурсы, желания идентифицируются и конституируются как субъекты» (цит. по: [4]).

В оптике такого видения субъект выявляется изначально «схваченным» сетью отношений власти. Воплощением этой сети являются диспозитивы и определяемые ими способы конфигурирования опыта субъекта и самой его субъективности. Соответственно, субъект рассматривается Фуко как конституируемый на основе витального субстрата в поле отношений власти через действие стратегических механизмов этого поля и инкорпорирование в присутствии ему (этому полю) отношения и подвижные структуры.

Так, в «Истории сексуальности» мыслитель пишет о *формировании субъектов через конституирование определенной* (заданной через диспозитивы) *формы опыта* (например, опыта «сексуальности») внутри которого индивиды должны быть приведены к идентификации, «*признанию*» себя в качестве *субъектов этого опыта*. Согласно мыслителю, такой опыт оказывается про-

низан анонимными властными механизмами (диспозитивы, системы установок, побуждений, ограничений, вписанных в культуру и т. п.), в контексте которых конституируемая человеческая идентичность «открывается самым различным областям знания и... сочленяется с системой правил и принуждения» [7, с. 272]. Речь, соответственно, идет об опыте, трактуемом как «существующая в каждой данной культуре корреляция между областями знания, типами нормативности и формами субъективности» [7, с. 272]. Именно в таком контексте Фуко рассматривает появление современной формы европейского индивида, связывая этот процесс с распространением особых дисциплинарных практик, воплощающих специфическую «политическую технологию жизни». Философ показывает, что рождение новоевропейского субъекта оказывается сопряженным (в числе прочего) и с изменениями в той сфере, которая может быть обозначена как «политики истины». В «Воле к знанию» говорится: «Долгое время аутентичность индивида устанавливалась через удостоверение другими и через манифестацию его связи с другими (семья, вассальная зависимость, покровительство); затем аутентичность стала устанавливаться через истинный дискурс, который индивид был способен или был обязан произносить о самом себе. Признание истины вписалось в самое сердце процедур индивидуализации, осуществляемых властью» [6, с. 157]. Очевидно, что сфера «аутентичности человеческого существования» (в том числе и в его предельно индивидуализированном варианте) раскрывается здесь автором в качестве конституируемой отношениями власти (на основе процедур «признания», инкорпорируемых в субъекта); соответственно, категории «аутентичное» и «неаутентичное» предстают в такой перспективе как маркеры, функционирующие в пространстве отношений, несущих специфические властные эффекты.

Исследуя режим функционирования отношений власти в обществе модерна, специфику этих отношений философ усматривает не в процессах их гуманизации и юридической кодификации (хотя эти процессы, несомненно, происходят и они важны), а в дисциплинарном характере нового властного режима, связанном с продуцированием политической технологии жизни, нацеленной на рационализацию всех аспектов индивидуальной и коллективной жизнедеятельности людей. Фуко акцентирует, что новый формирующийся режим «власти-знания» не отбрасывает складывающиеся в контексте «юридической монархии» властные формы («власть-суверенитет», «власть-закон»): он активно проникает в них, используя для собственных нужд (утверждения, легитимации себя и др.), постепенно модифицируя и наполняя новым содержанием. Мыслитель даже делает весьма парадоксальный (но только на первый взгляд) вывод: «по отношению к обществам, которые были известны до XVIII в., мы вступили в фазу регрессии юридического» [6, с. 250].

Дисциплинарные стратегии власти хотя и соотносятся французским мыслителем с государственными институтами (последние являются их мощнейшими катализаторами и проводниками), но не сводятся к ним. Речь идет о том, что эти стратегии укореняются на микрофизическом уровне властных отношений, где сопряжены с проникновением в глубочайшие нюансы человеческой жизнедеятельности [9, с. 197–455; 6, с. 205–207, 243–246]. Такое проникновение становится возможным благодаря интенсивному развитию специализированного знания и появлению многообразных экспертов в медицине, гигиене, педагогике, психологии, психиатрии, криминологии, демографии и т. п.

Их задача, согласно Фуко, – тестирование человеческого тела, его нормализация, развитие способностей и интеграция в формирующиеся общественные институты. Специфика дисциплинарной власти, соответственно, связывается с обеспечением максимально эффективного функционирования общественного организма и каждого индивидуализированного тела, как его части, в перспективе реализации задач расширенного социального воспроизводства. При этом новая властная стратегия в обществе, согласно Фуко, развивается в 2-х основных направлениях: 1) власть над телом как «машиной»: исследование его сил и способностей с целью увеличения эффективности функционирования и управляемости (с этим связано развитие таких дисциплинарных институтов как школы, колледжи, казармы, мастерские и т. п.); 2) власть над телом как экземпляром биологического вида, которая включает систематический контроль за показателями рождаемости и смертности, здоровья, продолжительностью жизни и т. п. [6, с. 243–245]. Все это и обозначается философом в качестве «политической технологии жизни», стремящейся проникнуть во все аспекты человеческой жизнедеятельности и рационализировать их [6, с. 251].

Таким образом, согласно французскому философу, современное общество приобретает характер «общества нормализации»: оно являет собой сеть очагов власти–знания, где власть над человеком переплетена с изучением человека и накоплением знаний о нем. Модерный режим власти (дисциплинарный) представляется базирующимся на новых способах управления и тесно связанным со специализированным знанием, экспертизой и технологиями. Он использует, в отличие от предыдущего («суверенитетного») режима, более опосредованные и тонкие властные механизмы, направленные на то, чтобы не исключать и дисквалифицировать, а включать и стимулировать; не уничтожать, а нормализовывать [9; 6, с. 121–123; 238–251]. Стремясь к непрерывному и эффективному управлению индивидуальной и коллективной жизнедеятельностью людей, этот режим, согласно Фуко, конституирует «человека» (и «общество») в качестве сферы приложения специализированных дискурсов и практик: медицинских, педагогических, психологических, демографических и др. Объективируя человека, эти дискурсы и практики полагают его в качестве специфического концепта, в форме которого человек и начинает мыслиться [9, с. 37]. Само существо дисциплинарного режима власти, как полагает философ, связано с конституированием феномена «политического тела» как совокупности материальных элементов и техник, служащих инструментами, средствами передачи, каналами коммуникации и точками опоры для отношений власти и знания, которые захватывают и подчиняют человеческие тела, превращая их в объекты познания» [9, с. 43].

Мыслительная стратегия, реализуемая М. Фуко, приводит нас в конечном итоге к представлению о власти, как сети сложноорганизованных, подвижных отношений; в которые люди всегда и везде уже вплетены, и в пределах которых одни получают возможность определять поведение других (но, как утверждает мыслитель, «никогда полностью или (исключительно) по принуждению» (цит. по: [3, с. 72]). Из ранее произведенного анализа очевидно, что речь в такой перспективе не идет об образе централизованной в себе власти, Власти с большой буквы, которая, в качестве некой моно-инстанции, довлеет над ансамблем социального тела. Позиция Фуко подразумевает, что, «где есть власть, есть сопротивление» [6, с. 195]. При этом сопротивление не рассматри-

вается философом как нечто внешнее по отношению к власти. Сосредоточиваясь на имманентности и реляционности властных проявлений (власть изначально внутри определенной области взаимодействий), он отмечает: «...властные связи имеют характер отношений в строгом смысле слова. Они могут существовать лишь как функция множественности точек сопротивления: последние выполняют внутри отношений власти роль противника, мишени, упора или выступа для захвата» [6, с. 196]. Причем такой характер *властных связей* не означает, что *сопротивления* (Фуко говорит, что в сети власти *всегда существует множество сопротивлений*) есть «только рикошет, отгик отношений власти», «пассивная изнанка», образованная по отношению к основному господству. Философ приходит к выводу, что все множественные (реализованные и возможные) сопротивления «являются другим полюсом внутри отношений власти; они вписаны туда как некое неустрашимое визави» [6, с. 197].

Осмысливая многообразие форм и механизмов власти, Фуко, как выше уже было показано, последовательно проводит представление о связи исходного измерения власти с взаимодействием различных сил, с множественностью взаимовлияний. В данной связи отметим, что в поздний период творчества (начало 1980-х гг.) философ переосмысливает тему субъекта через призму обращения к проблематике античной этики самообладания, центрированной на практиках «заботы о себе», «культуры себя» [8, с. 48–78]. При этом философ выдвигает вариант понимания власти, как стратегической игры между свободами (об этом см. напр.: [4]).

Подводя итоги нашего рассмотрения, отметим, что представления французского мыслителя о власти и ее соотнесенности с социально-антропологическими феноменами могут быть охарактеризованы как «кратологические», т. е. как такие, которые придают отношениям власти фундаментально-конститутивный статус. Подобное теоретическое видение сопряжено у Фуко с трактовкой власти как чего-то вездесущего и при этом принципиально множественного («власть повсюду», но «не потому, что она все охватывает, но потому, что она отовсюду исходит» [6, с. 193]). Власть в таком случае, разумеется, не мыслится как некая скрытая самотождественная сущность, манифестирующаяся в пространстве социального. Не рассматривается она и как нечто локализованное в конкретных точках этого пространства или же эманлирующее из них (соответственно, она не сводится к неким социальным институтам, привелигированным позициям в пространстве отношений или же силовым ресурсам). Власть, в ее фукианском понимании, предстает скорее как открытый пучок весьма подвижных, диффузных взаимодействий, имманентных той области, где они разворачиваются, и являющихся конститутивными для ее организации. При этом институциональная структура власти мыслится философом в качестве «эффекта», производного от комплексной ситуации взаимовлияний в обществе и направленного на фиксирование этой ситуации в определенных рамках. Философ особо акцентирует несводимость власти к репрессивности и голому принуждению. Он говорит о производительности власти, связи ее с конфигурированием пространства возможных практик индивидов и с конституированием самой их субъектности.

В целом, исследовательская стратегия М. Фуко может быть охарактеризована как связанная с реализацией установки на имманентный способ ви-

дения пространства отношений власти. Дело, в том, что принципиально важным моментом концепции французского философа оказывается рефлексия над социально-теоретическим типом дискурса, как производящим/ воспроизводящим определенные диспозитивы власти–знания. Под диспозитивами при этом понимаются системы стратегических ориентиров и механизмов целеполагания, выступающих матрицей конфигурирования культивируемых в определенном сообществе практик (как чувственно-материальных, так и теоретико-познавательных практик). Позиция теоретика/ теоретического разума в таком случае осознается не как локализованная в некой привилегированной точке над социальным пространством, а как включенная в пространство отношений, неминуемо связанных с продуцированием специфических социально-властных эффектов. Такой тип рефлексии оказывается весьма созвучен современной (постклассической) ситуации в теоретической мысли, более того, он органично включен в контекст современного социального теоретизирования и является его важным аспектом.

Список литературы

1. Бикбов А.Т. Имманентная и трансцендентная позиции социологического теоретизирования // *Пространство и время в современной социологической теории* / под ред. Ю.Л. Качанова. М.: Институт социологии РАН, 2000. С. 11–25.
2. Бурдые П. За социологию социологов // *Пространство и время в современной социологической теории* / под ред. Ю.Л. Качанова. М.: Институт социологии РАН, 2000. С. 5–10.
3. Губман Б.Л. Введение в философию культуры. Тверь: ТвГУ, 1995. 196 с.
4. Зимовец Р.В. Дискуссия Фуко – Хабермас: вопросы теории власти. [Электронный ресурс] URL: https://scorcher.ru/neuro/neuro_sys/authority/authority1.php (дата обращения: 18.10.2018)
5. Табачникова С.В. Комментарий // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Магистериум-Касталь, 1996. С. 327–395.
6. Фуко М. Воля к знанию // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Магистериум-Касталь, 1996. С. 97–268.
7. Фуко М. Использование удовольствий. Введение // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Магистериум-Касталь, 1996. С. 269–306.
8. Фуко М. История сексуальности III: Забота о себе. Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. 288 с.
9. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.

ANALYSIS OF POWER IN THE CONTEXT OF THE IMMANENT STRATEGY OF SOCIAL THEORIZING (ON THE EXAMPLE OF M. FOUCAULT'S ANALYTICS OF POWER)

S.V. Kozlov

Tver State University, Tver

The article examines some important aspects of the post-classical situation in understanding of power as a phenomenon of social reality. The author emphasizes the difference between transcendent and immanent strategies in understanding of power. Immanent strategy is disclosed as an example of M. Foucault's analytics of power. The basic principles of the foucauldian approach to power analysis are presented; its relevance for modern social-philosophical thinking and social theorizing is revealed.

Keywords: *power, transcendent and immanent strategies of theorizing, philosophical reflection, M. Foucault's analytics of power; immanence and anonymity of power, dispositive of power, political technology of life; disciplinary power.*

Об авторе:

КОЗЛОВ Сергей Валентинович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: koslovserg@yandex.ru

Author information:

KOZLOV Sergey Valentinovich – PhD, Assoc. Prof. of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University. E-mail: koslovserg@yandex.ru